

ВЕДЬМАК
ИЗ БОЛЬШОГО КИЕВА

Потом говорили, что он вошел на территорию с юга, через Одинцовский шлюз. Высокий, сухощавый и совершенно лысый человек с пластиковым шмотником за плечами и притороченным к боку помповым ружьем. Одет он был в истертые джинсы, черную кожаную куртку и грубые гномьи ботинки на подошве-танкетке. В одежде преобладали блеклые тона, даже шмотник был не яркий, как обычно, а переходного цвета — от хаки к коричневому, и вдобавок от долгого употребления шмотник покрылся неравномерными размытыми пятнами, похожими на камуфляжные. На лишенной волос голове пришлого — не выбритой, а изначально голой и гладкой, словно плафон осветительной лампы, — цвела причудливая татуировка: приземистый карьерный экскаватор тянул чудовищный ковш через весь затылок почти к левому уху, где присел над небольшим техническим пультом живой — не то человек, не то эльф, не разобрать. Под распахнутой на груди курткой виднелся на плетенке из тоненьких цветных проводков ведьмачий медальон-датчик.

В другое время его попытались бы вежливо выставить — кто любит ведьмаков? Никто. Ни в Большом Киеве, ни в Большой Москве. Ни вирги их не любят, ни гномы, ни хольфинги. Не говоря уж об эльфах. Даже люди не любят — а ведьмаки ведь обычно всегда из людей. Истребители «странного» сами неизбежно становятся странными, а странности никому не нравятся.

Территория ЗАТО Снеженск-4, потерянная где-то на узкой границе между двумя гигантскими мегаполисами, представляла собой отдельный район, не приросший ни к Киеву, ни к Москве. Он был обнесен высоченным периметром, преодолеть который живые если когда и умели, то теперь разучились совершенно. Официальными пропускными пунктами пользоваться перестали тоже в незапамятные времена — даже самые старые эльфы территории не помнили времен, когда хитроумная машинерия шлюзов

соглашалась выпустить обитателей Снеженска-4 и впустить их обратно. Посторонних, понятно, машинерия никогда не впускала, за исключением ученых да техников, знакомых с нужными формулами.

И еще — ведьмаков. Истребителей чудовищ.

В принципе, любую дикую машину можно было назвать чудовищем. Ибо все дикое живому опасно. Но иногда в городских кварталах возникали особые машины — машины-убийцы. Машины, жадные до живой плоти. Автомобили со смятыми бамперами, поджидающие неосторожных прохожих на обочине. Неповоротливые, но исполненные неживой хитрости строительные агрегаты с омытыми кровью ковшами и траками. Их невозможно было приручить — пасовали даже магистры с киевской Выставки и московской Академии. Бывало, эта нечисть опустошала целые районы.

И главное — чудовищ становилось все больше.

О ведьмаках было известно до смешного мало. Говорят, что они выходили с точно такой же ЗАТО-территории не то на востоке, не то на юго-востоке, называющейся Арзамас-16. Туда вообще ни один посторонний проникнуть не мог, будь он сто раз ученый или даже Техник Всего Мира. Выходили и отправлялись бродить по свету, за плату избавляя живых от машинной напасти. Мрачными и неразговорчивыми, корыстными и жестокими — такими знали их живые Большого Киева и Большой Москвы. Но когда приходит Зло — приходится терпеть Странность. Некоторое время.

Неприятности Снеженска-4 начались лет семьдесят-восемьдесят назад. Один за другим прекратили действовать подземные транспортные потоки, и подпитка территориальных складов прервалась. Голод не настал, но теперь приходилось считать каждую банку тушенки, что раньше валялись где попало, вплоть до самых захудалых лавчонок. Собственных ресурсов территории перестало хватать. Техник Снеженска-4, седой эльф Сейдхе, обратился к правительству Большого Киева, но те развели руками: а как, собственно, помочь? Перебрасывать припасы через периметр? Да киевлян просто не подпустит к контрольной полосе охранный техника. Большая Москва ответила точно так же, правда, еще намекнула на то, что Снеженск-4 вряд ли сумеет предложить взамен что-либо ценное. Территория жила впроголодь и вскудь целых шестьдесят лет, пока проходящий мимо Одинцовского шлюза московский бродяга не подозвал к себе пятилетнего ребенка-человека, что играл у пропускного пункта.

Ребенок беспрепятственно прошел за пределы территории, был ласково поглажен по голове странником, награжден шоколадкой «Рот Фронт» и так же беспрепятственно вернулся; а бродяга пошел себе дальше на юг, к границе Большого Киева.

Родители мальчишки чуть с ума не сошли, выпрашивая, где тот взял настоящую московскую шоколадку, — таких в Снеженске-4 никто не видел шесть десятилетий. Когда несчастный пацан, размазывая сопли, в сотый раз повторял перед Сейдхе и старостами кварталов историю с проходом шлюза и добрым дядей Рот Фронтом, — ему, естественно, не верили. Пока Сейдхе не предложил провести его через коридор шлюза еще разок. Тут в плач ударилась мать — детям заказывали даже приближаться к пропускным пунктам, хотя, бывало, ребяшня игралась неподалеку. Просто любой житель Снеженска-4 с молодых ногтей привык к тому, что за периметром нет *ничего*. Совсем. Периметр — это граница. Его бессмысленно даже пытаться преодолеть. Убеденность родителей волей-неволей передавалась детям: хоть они и осмеливались нарушать запреты, очень часто шастая у самых пропускных пунктов, наружу никто не пытался выйти — на памяти нынешних территориалов — ни единого разу.

До случая с шоколадкой.

Техника Сейдхе поддержали все старосты. Голосящую мать скрутили; отец, стиснув зубы, покорился сам. Пацана-экспериментатора привели к Одинцовскому шлюзу, и на глазах у нескольких десятков живых тот без всякого ущерба для себя вышел за периметр. И вернулся.

Тогда Сейдхе распорядился привести снеженского дурачка — полуорка Чкудаха, обыкновенно околачивающегося у единственной бани.

Привели.

— Видишь? — спросил Сейдхе, поднося к носу полуорка злополучную шоколадку.

Чкудах часто-часто закивал, не сводя глаз с яркой обертки.

— Хочешь? — еще жестче спросил Сейдхе.

Чкудах пустил слюни.

— Бери, — разрешил эльф и расчетливым движением швырнул шоколадку наружу. Через пункт.

Чкудах сунулся в узкий коридорчик шлюза и осел на самой его середине. Когда его баграми втянули назад, никто не сомневался, что полуорк мертв.

Вспыхнувшая было надежда, что охранные машины периметра уснули, враз погасла.

И тогда Сейдхе вторично погнал через шлюз ребенка. Мать лишилась сознания, отец сделался белым, как мелованная бумага.

Пацан принес шоколадку и снова остался жив.

Сейдхе поразмышлял минут пять и приказал привести еще пятерых детей. Сирот. Четверых мальчишек и девочку: двух людей, черного орка, хольфинга и вирга-метиса, от четырех до пятнадцати лет. Всех без исключения шлюз пропустил.

— Что ж... — грустно сказал Сейдхе, окидывая взглядом толпу территориалов. — Осталось только доказать, что взрослых шлюз по-прежнему убивает.

И направился ко входу в узкий коридорчик.

Эльфа похоронили в этот же день. В этот же день выбрали нового Техника. И принялись размышлять, как может помочь территории неожиданное знание.

Во-первых, дети были слишком малы, чтобы осознанно помочь. Даже старшие из них — тридцатилетние эльфы — слабо отличались от пятилетних людей. И по силе, и по сообразительности. Долгоживущие медленно взрослеют. Дети людей успевают обогнать приятелей по играм несколько раз, прежде чем становятся взрослыми. Но не в возрасте дело, а в том, что добраться до ближайшего склада и доставить хоть что-нибудь в состоянии только взрослый живой. В самом деле, даже если добредет пятилетний карапуз-человек или орк-двадцатилетка до склада, сколько он в состоянии с собой унести? Банку консервов? Да он игрушку скорее ухватит или кулек с печеньем. А ведь на склад еще нужно попасть, открыть замки... Плюс вокруг может ошиваться какая угодно шваль, безразлично — вооруженная или нет. Против малышей и прыщавый подросток — гигант. Так что дойти и отыскать то, что нужно, — еще полдела. Надо еще вернуться.

Задача казалась неразрешимой.

Разрешилась она еще спустя несколько лет, когда население Снеженск-4 сократилось вдвое. Прирост ресурсов территории падал и падал: стало очевидным, что скоро Снеженск-4 опустеет.

Именно в этот момент Техник сумел понять одну из ключевых формул снеженского комбината и открыл секрет синтеза сырья — вещества, которое высоко ценилось как в Большом Киеве, так и в Большой Москве. Для синтеза требовалось оборудование — а оно в лабораториях комбината имелось — и особые камешки. Камешки можно было собирать в пределах периметра; но Техник сразу понял, что надолго их запаса не хватит.

Первые же опыты увенчались успехом, сырье было синтезировано. Немедленно связались с Москвой и заключили первую сделку: несколько прирученных грузовиков примчались к площадке перед Степинским шлюзом, и чуть ли не весь световой день москвичи и территориалы перетаскивали на позаимствованных из клуба шторах груды консервов и банок с соленьями, пакеты с галетами и переносные источники техники для портативных приборов.

За год синтез съел все камешки на территории. Подчистую. Тогда-то и вспомнили о способности детей проходить через шлюзы. И пошло: поисковые группы из малышей шастали вокруг территории и помалу стаскивали

внутри заветные камешки. Дети, сущие несмышлениши и карапузы, в одночасье сделались спасением Снеженска-4.

Целых двенадцать лет все шло как по маслу: Снеженск-4 наладил обмен и с Большим Киевом, и с Большим Минском, а как-то раз проявились даже усатые кавказцы с совершенно невероятным количеством мандаринов в картонных ящиках.

Пока не очнулся Рип.

Никто уже не помнил, почему Рипа называли Рипом. Никто и не пытался вспомнить. Рип являлся, скорее всего, боевым мнемороботом, но понимал это единственный живой в Снеженске-4 — Техник.

Пропал ребенок, причем не ходивший в этот день за периметр. Его искали в жилых районах и на комбинате, но тщетно. Вскоре пропал другой. Затем третий.

А спустя месяц дети рассказали, как из-за комбинатского цеха выскочил металлический паук и утянул эльфийку Майен куда-то в бетонные джунгли и переплетение арматурин. Остальные дети с визгом разбежались.

В первые месяцы паука-Рипа взрослые видели всего дважды, и оба раза днем. Сначала Рип появлялся лишь изредка, но потом стало ясно, что он растет и требует все больше и больше пищи. Дети стали пропадать прямо из жилищ; если взрослые пытались помешать — Рип их убивал.

На территорию напозла тень отчаяния. Взрослые не выпускали детей из жилищ; к пропускным пунктам водили под охраной и ждали до тех пор, пока они не вернуться. Но это не помогло: сначала Рип напал на возвращающихся со сбора детей, легко разогнал охрану и беспрепятственно утащил жертву. Потом попробовал нападать за пределами периметра, но по какой-то причине после первой же попытки отказался от этого варианта. И продолжил разбойничать на территории.

Снеженцы пытались просить помощи у Москвы и Киева, но чем те могли помочь? Попытались устроить облаву своими силами — потеряли трех живых, а Рипа даже не оцарапали, хотя падали по нему в сотню стволов.

Где прятался Рип, тоже оставалось загадкой. Свои стремительные и непредсказуемые рейды он совершал то днем, то ночью, но чаще всего — под самое утро, на рассвете; свидетелей его бесчинств больше почему-то не оставалось. Наверное, Рип их убивал. Во всяком случае, помимо пропавших детей, территориалы несколько раз натыкались на трупы, и смотреть на них было весьма неприятно. Погиб мастер-гном Думерник, погиб певец из людей Гнат; нашли обезображенные до неузнаваемости останки и только по серебряным часам-луковице опознали, что это староста Петровки хольфинг Ван Реты по прозвищу Балагур. Накануне у Балагура пропала двенадцатилетняя дочь...

Видимо, ведьмак пришел глубокой ночью и заперся в заброшенной каморке охраны на пропускном пункте. Там он продремал до рассвета, а едва развиднелось — отправился вглубь территории. Ближние к периметру кварталы обычно пустовали: постоянно там никто не жил, а искать там изначально было нечего. Средоточием жизни Снеженска-4 всегда оставался самый центр: кварталы лучших домов, с некоторых пор опустевшие магазины да вычищенные подчистую склады комбината. Сам комбинат мало кого интересовал, а уж теперь, с появлением Рипа, его обходили как можно дальше.

Не став размениваться на пустопорожние разговоры, ведьмак пошел прямо к Технику Снеженска-4 Альмелиду. В такую рань территориалы еще не решались высунуться из жилищ, спешно превращенных в убежища. Розоватые отблески лежали на слоях уличной пыли, и казалось, что это не пыль, не грязь, а увядшие и опавшие мечты жителей территории о безбедной жизни. Гномьи ботинки ведьмака впечатывали в мечты рифленые отпечатки.

Жилище Техника ведьмак определил безошибочно — чутьем, что ли? Толкнул решетчатую калитку, прошагал по квадратным гранитным плитам к ступеням, ведущим на крыльцо. Меж плит пробивалась чахлая травка.

У стеклянных дверей на уровне глаз ведьмака красовалась массивная металлическая табличка: «Снеженское промышленное техническое предприятие».

Двери были заперты на массивный висячий замок.

«Несложная техника, — подумал ведьмак. — Неужели Рипу это может помешать?»

На стук явился заспанный молоденький техник без штанов и в куртке на голое тело. И еще в тапочках. Увидев лысую голову с татуировкой (ведьмак специально повернулся боком к двери), техник-засоня чуть не выронил пижонскую зеркально сверкающую «Беретту».

— Открывай, — потребовал ведьмак.

Техник отупело застыл перед дверями. У него были трогательно оттопыренные уши.

— А... Я сейчас...

И, теряя тапочки, припустил куда-то вглубь холла. К телефону, наверное.

Техник — Техник, а не техник — появился на удивление быстро, и при этом он был тщательно и аккуратно одет. Только не выбрит, что слегка портило впечатление. По его команде засоня, надевший-таки штаны и кеды, отомкнул замок и приоткрыл одну створку.

— Входи, — мрачно процедил Техник. — В другое время, ведьмак, я бы тебя вытолкал с территории вашей. А сейчас входи.

— В другое время я бы и не пришел, — ведьмак пожал плечами. И бочком протиснулся в щель, чуть не касаясь техника-засони.

Его привели в маленький кабинет на втором этаже. Лифтом Техник почему-то решил не пользоваться — пошел пешком. Сначала влево по длинному коридору, потом по узкой лесенке и снова по коридору.

Все убранство кабинета составляли накрытый зеленым сукном стол для совещаний, несколько стульев подле него да кафедра в углу. Ведьмак подумал, что в хорошие времена тут чаще резались в карты, чем проводили совещания. По знаку Техника помощник раскрыл окно. Свежий воздух потек в кабинет, вытесняя затхлость и пляшущую в лучах рассвета пыль.

— Итак, ведьмак... Я тебя слушаю.

— А сесть мне предложат? — без всякой развязности поинтересовался ведьмак.

Техник вяло махнул рукой в сторону стульев, а сам остался стоять.

Ведьмак сел, водрузив локоть на сукно. На спинку стула он опирался скорее боком, чем спиной, поскольку за спиной висел шмотник.

— У вас трудности, — сказал ведьмак. Фразы получались короткими, рублеными, как автоматные очереди опытного солдата. — Я ведьмак. Я могу помочь.

— Чем?

— Я выслежу и убью Рипа.

— Разве это возможно? — голос Техника полнился глухой неистребимой тоской.

— Возможно. Машины тоже смертны. Ты же Техник.

Техник тускло воззрился на ведьмака.

— А что тебе известно?

Ведьмак снова пожал плечами:

— На комбинате активировался Рип. Зарядился, разведал окрестности. И начал охоту. Он, вероятно, ворует детей. Значит, это Рип-эспер. Он убивает свидетелей, значит, это боевой эспер. Судя по тому, что он нападает не только ночью, но и днем, это боевой эспер-универсал. Я не завидую вам, Техник. Пройдет месяц или два, и он уведет всех детей, а вас передушит. Вы не сможете сбежать, а убить его вам не под силу. Вы ведь пытались, не так ли?

Техник угрюмо вперился в лицо собеседника:

— Откуда ты, прости жизнь, все это знаешь?

На этот раз ведьмак не стал пожимать плечами.

— Я ведьмак, — уклончиво ответил он.

Хотел добавить еще: «У нас свои методы», но сдержался.

Техник некоторое время размышлял.

— А ты сумеешь? — спросил он глухо.

Ведьмак не рассмеялся, хотя Техник того ожидал.

— Я ведьмак, — повторил он. — Только и всего.

Помощник-засоня не дыша стоял у окна, и уши его, казалось, оттопырились еще сильнее.

— Ладно, — Техник тяжело оперся о спинку ближайшего стула. — Допустим. Но ведьмаки не работают бесплатно. Так ведь?

— Так, — согласился ведьмак.

— И сколько же тебе нужно? И в чем — в рублях, в гривнах?

Только теперь ведьмак позволил себе улыбнуться:

— На вашу территорию смешно приходиться за деньгами. Что деньги? У вас есть гораздо более ценная вещь.

Кажется, Техник догадался.

— Так-так-так... — процедил он. — Что же именно?

— Сырье, — простодушно ответил ведьмак. — То, что в Киеве зовется «компотом», а в Москве...

— Я знаю, как зовется сырье в Москве, — перебил Техник. — Сколько?

— Все, что у вас есть, — простодушно ответил ведьмак, но взгляд его в этот момент отнюдь не был простодушен. — И имейте в виду: я прекрасно осведомлен об объемах вашей торговли с Киевом, Москвой и Минском. Так что я представляю, сколько вы вырабатываете сырья.

— Что-о-о? — Техник негодуя выпрямился. — Ты в своем уме, ведьмак? Ты знаешь, сколько это стоит?

— Знаю, — с удовольствием признался ведьмак. — И меня невероятно согревает это знание.

Техник последовательно перешел от негодования к недоумению, а потом даже к тени веселья:

— Но ведь если мы отдадим все сырье тебе, мы не сможем заплатить Киеву и Москве...

— В ближайшую неделю у вас не намечается поставок Москве, — перебил ведьмак. — Только Киев. И только концерн Халькдаффа.

Теперь Техник глядел на ведьмака с ненавистью. Потому что ведьмак говорил истинную правду. Непонятно только было, откуда ему столько известно о закрытой территории Снеженск-4, ведь раньше он здесь никогда не бывал.

— Хорошо, — процедил Техник, сдерживая злость. — Мы не сможем расплатиться с Халькдаффом и вынуждены будем голодать, пока снова не синтезируем нужное количество сырья. А это почти полтора месяца. Реально даже больше, потому что голодные живые — никудышные работники.

— Ваши проблемы, Техник. Я все сказал.

— Убирайся, — Техник указал на дверь. — Убирайся, подонок.

— Ладно, — неожиданно легко согласился ведьмак. — Я ухожу.

Он встал, будто бы ненароком глянув в окно.

— Кстати, Техник, — обратился он к Технику. — Ты видишь это солнце? Ты видишь цвет неба? О чем это говорит, а? Знаешь?

Техник молчал.

— О засухе это говорит. О жаре и засухе, — пояснил ведьмак. — Улавливаешь, Техник? Рип станет воровать по нескольку детей в сутки. Месяца два — и в Снеженске не останется никого моложе двенадцати лет; я имею в виду людей, конечно. О предельном возрасте остальных рас можешь догадаться сам. Кто станет таскать вам из-за периметра пенсирит? Рип? А уж о том, какие работники из живых, у которых отобрали детей, я и вовсе молчу...

— Убирайся! — проорал Техник.

Ведьмак послушно направился к двери.

— Я еще вернусь, — пообещал он. — А ты подумай пока. И со старостами посоветуйся...

Дорогу к выходу ведьмак, конечно же, запомнил.

Уже к вечеру у одного из старост пропала девятилетняя внучка. За несколько часов летней ночи Рип разгромил несколько жилищ — почему-то он выбирал жилища матерей-одиночек. Детские кровати оказывались пустыми. А Рипа на этот раз никто даже не увидел.

Днем ведьмак демонстративно разгуливал по территории, избегая приближаться к живым. Ночью — пропал неизвестно где.

Спустя три дня и три ночи после разговора ведьмака с Техником Снеженска-4 два хмурых вирга кинули камешек в окно каморки при шлюзе.

— Эй! Почтенный!

Ведьмак показался в коридоре, о котором даже думать боялся любой взрослый территориал.

— Ну?

— Живые поговорить хотят.

— О чем?

Вирги переглядывались и переминались в полусотне метров от шлюза.

— Ну... Вы вроде как с Рипом справиться гораздо... Так это... Мы б заплатили. Сколько нужно.

— Меня не интересуют деньги. А плату я назвал вашему Технику, но он меня прогнал. Разговаривайте с ним. Позовет — приду. А так...

И он скрылся в каморке.

Вирги еще некоторое время потоптались напротив шлюза и убрались восвояси.

Через несколько часов перед жилищем Техника собралась несметная толпа. Практически все население Снеженска-4 в полном составе, потому

что никто не хотел оставлять детей без присмотра. Старосты районов еще накануне направились к Технику и не выходили из его кабинета до сих пор. Если бы кто-нибудь осмелился покинуть жилище ночью, он мог бы удостоверить, что свет в окошке кабинета не гас ни на секунду.

Ведьмака позвали к Технику ближе к вечеру. Одинокий и гордый, он шагал сквозь толпу, глядящую на него со смесью ненависти и надежды. Каждый готов был убить его, но не мог, потому что ведьмак олицетворял собой возможное спасение.

На этот раз пришлось подниматься на третий этаж, в кабинет существенно больших размеров. И стол здесь был побольше. Без сукна. Тут явно никто не играл в карты — тут принимались решения и постигались формулы.

Они сидели за этим столом: Техник, пятеро старост и еще трое живых — ведьмак их не знал.

Все так же молча и бесстрастно ведьмак вошел в кабинет, секунду помедлил и сел на стул у самого окна. Теперь он казался всем присутствующим просто темным силуэтом на фоне светлого прямоугольника.

— Я слушаю, — сказал он, прищурив глаза.

Поднялся один из старост, сухонький орк, выглядящий старым даже для своей расы.

— Меня зовут Хавиар Сотера. Я староста Куманского. Как называть тебя, ведьмак?

— Ведьмаком. Впрочем, если вам обязательно нужно имя, можете звать меня Геральт.

— Геральт, — проникновенно обратился к нему Сотера. — Неужели ты начисто лишен сострадания? У нас пропадают дети, а ты сидишь в стороне и просто ждешь...

На лице Геральта не отразилось ничего — ни смущения, ни досады.

— Любезный староста! Ведьмаков обучают отнюдь не состраданию. Ведьмаков обучают убивать чудовищ. За плату, потому что ведьмаку тоже нужно на что-то жить. Покупать снаряжение для работы, одежду, пищу. Или вы думаете, меня кто-то покормит? Подарит штаны? Кто на этой территории предложил мне хотя бы кружку воды, а? Так уж сложилось, что у вас есть то, что мне позарез необходимо прямо сейчас. И в нужном количестве. Неужели это «что-то» вам дороже собственных детей и собственных жизней?

— Если мы все умрем от голода, это вряд ли спасет нас и наших детей.

— От голода? — ведьмак состроил презрительную гримасу. — Бросьте, староста. У каждого живого в жилище припрятано достаточно консервов, чтобы дотянуть до выработки новой порции сырья. В конце концов, можете договориться о поставке в кредит. На выгодных условиях.

— С нами не работают в кредит, — хмуро бросил другой староста, эльф неопределенного (впрочем, как и все эльфы) возраста.

— А нечего было надувать Москву, — отрезал ведьмак. — Слово в этом мире ценится превыше всего, и вы это знали с самого рождения.

— Ну оставь нам хотя бы половину! — взмолился Хавиар Сотера. — Остальное мы отдадим позже!

— С вами? В кредит? Увольте, я не глупее московских дельцов. Ведьмаки берут плату только вперед, вы и это знаете с самого рождения.

— Не по-живому это... — укоризненно пробормотал третий староста, дородный румяный половинчик.

— Я не живой, — напомнил ведьмак. — Я ведьмак.

— Чтоб тебе провалиться, — пожелал кто-то.

Подобными штучками расстроить ведьмака было попросту невозможно.

— Решайтесь, господа. Решайтесь. Может быть, другого шанса вам и не представится: говорят, на окраине Киева бульдозеры бушуют в одном из районов. Там мне заплатят охотно, причем столько, сколько скажу.

— Надо соглашаться, — раздраженно вставил Техник. — Протянем как-нибудь. Откажем — нас прихлопнут собственные территории.

— Действительно, — поддакнул ведьмак. — Сколько детей за трое суток? Двадцать два?

— Двадцать три.

— Ах да! Внучка уважаемого старосты Куманского. Прелестная девчушка. Была.

Орк после этих слов вскочил, с грохотом опрокинув стул.

— Ты чудовище, ведьмак! Ты ничем не лучше Рипа, шахнуш тогда!

На серое, словно весенний снег, лицо орка страшно было смотреть. Все отводили взгляды.

— Лучше, — заверил ведьмак. — Со мной можно договориться, с Рипом — нет. Он не успокоится, пока не передушит всех. И учтите, взрослые для боевого эспера куда менее сытная пища, чем дети. А потом Рип переберется еще куда-нибудь, и таким образом на вашу совесть лягут новые жертвы.

— А не на твою, ведьмак? — с бессильной злостью спросил Техник.

— У ведьмаков нет совести. И не может быть. В силу того, что они ведьмаки. Что же касается сострадания, любезный Сотера, — ведьмак повернулся и чуть заметно поклонился орку, — то я предлагал свою помощь, еще когда ваша внучка ковыляла по детской и ловила за юбку мамашу. Так что решайте сами: кто лишен сострадания, а кто не лишен.

— Жизнь с ним, — пробурчал Техник. — Пусть идет и убивает Рипа. Отдадим ему все, что у нас есть, и пусть убирается навсегда.

Техник медленно оглядел всех присутствующих.

— Есть возражения? Нет?

Он закрыл лицо ладонями и глухо произнес:

— Мы согласны, ведьмак. Действуй.

Ведьмак покачал головой и укоризненно поцокал языком:

— Ай-яй-яй! Кажется, вы меня не поняли, любезные. Я ведь говорил, ведьмаки берут плату вперед. Ведьмак — не дядя Рот Фронт, страдающий благотворительностью. Я отправлюсь убивать Рипа не раньше, чем вынесу сырье за периметр.

— Шахнуш тодд, ведьмак! — возмутился староста-эльф. — А кто гарантирует, что ты не пошлешь нас всех к гоблинским мамашам и не уберешься, палец о палец не ударив?

— Слово ведьмака гарантирует. Наше слово, в отличие от вашего, ценится и в Большом Киеве, и в Большой Москве. Кто-нибудь из присутствующих за свои долгие жизни слышал, чтобы ведьмак кого-нибудь обманул и не выполнил работу? Слышал?

Ответом ему была звенящая тишина, нарушенная в конце концов придыхательным шепотом Сотера:

— Не-е-е-т-т-т...

— Я не собираюсь нарушать слово. Меня убьют раньше, чем я доберусь до границы Киева. Потому что ведьмачье слово и мне, и остальным ведьмакам принесет в будущем не в пример больше, чем я заработаю сегодня. Расплачивайтесь. Время идет.

Старосты дружно посмотрели на Техника. Техник встал.

— Идем.

На этот раз пришлось спуститься в подвал. Самолично отомкнув многочисленные железные двери и одну решетку, Техник привел ведьмака в... лабораторию. Точно, лабораторию.

Около минуты Техник Альмелид возился у сейфа, отпирая многочисленные замки. Потом вынул из сейфа никелированный контейнер, выполненный в виде чемодана.

— Вот. Здесь все.

Чемодан был заперт на кодовый замок.

— Коды, — потребовал ведьмак.

Техник едва слышно продиктовал коды, ведьмак молча вращал дискретные верньеры с нанесенными циферками.

Раздался характерный щелчок и мелодичный сигнал. Крышка чемодана чуть заметно приподнялась.

СОДЕРЖАНИЕ

Ведьмак из Большого Киева	3
Нянька	19
Поезд вне расписания.....	95
Цвета перемирия.....	125
Родина безразличия	159

Литературно-художественное издание

ВЛАДИМИР ВАСИЛЬЕВ

ВЕДЬМАК ИЗ БОЛЬШОГО КИЕВА
Родина безразличия

Ответственный редактор *А. Васько*
Технический редактор *Г. Логвинова*
Верстка: *М. Курузьян*

Формат 70x100/16. Бумага офсетная.
Печать офсетная.
Тираж 3000 экз. Заказ №

Издатель и Изготовитель: ООО «Феникс»
Юр. и факт. адрес: 344011, Россия, Ростовская обл.,
г. Ростов-на-Дону, ул. Варфоломеева, 150.
Тел./факс: (863) 261-89-50, 261-89-59.

Изготовлено в России. Дата изготовления: 08.2023.
Срок годности не ограничен.

Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография»
филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ»
432980, Россия, Ульяновская обл.,
г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14.